

Александр Уваров

**Такая
маленькая
смерть...**

Александр Уваров

Такая маленькая смерть...

«Издательские решения»

Уваров А.

Такая маленькая смерть... / А. Уваров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506155-3

В этой книге собраны стихотворения 1997—2019 (т.е. поры творческой зрелости и плодоношения). В некотором смысле, это уникальное издание, поскольку впервые под одной обложкой собраны произведения, доселе бывшие рассеянными и разбросанными по разным (весьма различным по стилистической направленности) сборникам. Наверное, это и есть то, что называется «творческий путь» — с неизбежной финальной остановкой в конце. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-506155-3

© Уваров А.

© Издательские решения

Содержание

*****	8
*****	11
*****	21
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Такая маленькая смерть...

Александр Уваров

© Александр Уваров, 2019

ISBN 978-5-0050-6155-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И вот мой демон прилетел,
И вот волос моих коснулся
Как хорошо,
Что ты успел,
Как хорошо,
Что ты вернулся.
Печальная ложится тень
На лихорадочный румянец.
Последний дом осиротел,
Последний кров
Посмертных знаний.
Мой аспирин, и пот, и дрожь
И ясен миг,
И тих и вечен —
Когда в миру стихает дождь,
Когда и плакать больше нечем.
Мой демон,
Друг моих грехов,
Влетевший в комнату,
Как птица
Как мне с тобой теперь легко
Как в небо,
В бездну возноситься.
Последний сон,
Последний бред,
Последний жар моей болезни.
Лети, мой друг,
Лети к себе.

Не сторожи,
Я не исчезну.

Из тех, кто смерть возлюбил больше жизни,
Из тех, кто питается собственным мясом —

Нашёлся один, кто поехал по шизе,
По прелой соломе в тесные ясли.
Благостно в богом забытом жилище,
На пыли
По стенам —
Ангельский росчерк.
Буднично, тихо, спокойно, прилично.
И не священо
И не порочно.
Что тебе снится, грешный младенец?
Чёрное небо, белые звёзды,
Чёрные ангелы, белые тени,
Райское месиво,
Куча навоза...

Я прощался с надеждами,
Стол был красиво накрыт.
Мы не звали гостей —
Не хотелось прилюдно прощаться.
Люстра криво в стене —
Так застыл
Покорёженный быт.
Тот, что нас окружал
Бестолковым и милым
Мещанством.
Тот, что нас окружал
И пытался когда-то спасти
Суею и склокой,
Спасительной мелочью действий.
И крутился вокруг,
И пытался с собой увести,
Но, увы, не дано
Нам для суетной жизни воскреснуть.
Но, увы, не дано
Бесконечно придумывать жизнь,
И придумывать сон,
И придумывать сну объяснение.
За закрытою дверью,
Закрыты от взглядов чужих
Признавались друг – другу
Во лжи и взаимно краснели.
Расставались легко,
И клялись, что не помним обид.
У дверей обнялись
И руки друг – другу пожали...
Я прощался с надеждами,
Стол был красиво накрыт,

Но пустые тарелки
Весь вечер пред нами
Стояли.

Если собаки не будут
С нами дружить —
Мы потеряем последних
Наших друзей.
Есть ангел мохнатый
У каждой погибшей души,
Что цепью над нашей могилой
Будет звенеть,
Если под будкой попросим
Себя закопать,
Там, где луна выходит
На землю повыть.
Где после луны – рассвет,
А после —
Закат.
И снова луна,
И ангел мохнатый парит
Над нашей могилой
В пространстве
И лает о нас.
И нюхает небо —
Быть может,
Мы где-то там.
Но небо пустое,
И в мёртвом пространстве —
Луна.
И ищет нас ангел
По нашим
Остывшим следам.
Если собаки
Не будут плакать о нас —
Больше никто
Не оплачет
Наши грехи.
Там, под землёю,
В длинных
Могильных снах
Руки нам лижут
Тёплые их языки.

ПЕСНЯ ДЕЗЕРТИРА

Командир,
я хочу воевать на другой стороне,
Я хочу убивать тех парней,
Кто был рядом со мной.
В искривлённом мозгу
Отражён перевёрнутый бой.
Командир,
я хочу воевать на другой стороне.
Командир,
этой ночью Христа я увидел во сне.
Он пришёл к нам в окоп и сказал,
Что я буду в раю.
Я проснулся, и вот —
В ожидании рая стою.
Командир,
я хочу воевать на другой стороне.
С грязным снегом войны
Перемешаны божьи следы.
Свят лишь тот, кто ушёл.
Кто остался —
В грехе, как в ярме,
В португелях, погонах, тюрьме,
Или просто в дерьме.
Ну а кто-то ушёл,
Потому что увидел следы.
Командир,
этой ночью в раю расцветают сады.
Из промозглых окопов
Я вижу их розовый свет.
Ну а здесь – только снег,
Стылой кровью пропитанный бред,
Над которым в небесной стране расцветают сады.
Отпусти, командир,
Мне не жить в этой мрачной стране,
Там, где доблесть убийц
Осняет двуглавый орёл.
Ну а я – не убийца,
И вот – я из боя ушёл,
Для того, чтоб теперь воевать
На другой стороне.

Не так уж мало,
Милый друг,
Не так уж мало —
Две биомассы напряглись
Под одеялом,
Два стеарина на окне,
И две надежды,
И наша зимняя тоска
С покровом снежным.
Не так уж плохо,
Милый друг,
Не так уж плохо.
Мы умираем,
Значит, кончилась эпоха.
Мы умираем —
Значит, стрелки не сойдутся
На высшей точке
Наших высохших поллюций.
Не так уж грустно,
Милый друг,
Не так уж грустно —
Наш мир лишь ложе
Сумасшедшего Прокруста.
И нас рубили на куски
И просто били —
А мы любили
В сладких грёзах педофилий.
Не так уж больно,
Милый друг,
Не так уж больно —
Наш мир лишь повод
Быть немножко недовольным.
Наш мир лишь зад,
Давно не мытый и распухший.
Который лижут
Соблазнённые им души.
Не так уж странно,
Милый друг,
Не так уж странно.
Наш грех глядит на нас
С погасшего экрана.
Наш грех разбрызган
Белой спермой непорочной,
Нас бог любил
И помогал
Скорее кончить.
И всё записано,
Мой друг,
И всё зачтётся,

И отразится,
И в трусы нам отольётся,
И возместится,
И вернётся восвояси —
С такую старую тоской
И прежней страстью.

Странноприимный дом...
Тараканы на кухне,
Ночь —
И можно по крошкам ползать.
Странноприимный дом...
Ночь,
Слёзы.

Старые дома
Цвета яблок антоновских
Покрыты разводами серыми,
Снизу – моча,
Сверху – дождь.
Старые дома
По скверам гуляют,
Играют в домино
С пенсионерами.
О детях своих сочиняют
Красивую ложь.

ГОСПОДУ ГОРОДОВ

Разреши мне родиться
У весенних деревьев
В тени.
Разреши мне родиться —
Меня тянет земля
Как магнит.
Разреши мне родиться,
Разреши —
Очень хочется жить.
Эта пыль на асфальте
Скоро станет цветочной пылью.
Эти стены, как стебли,
Гонят к небу неоновый сок.
Разреши мне родиться,
Дай слепить из пластмассы лицо,
Чтоб его не оплавил
Всемогущий твой огненный ток.
Я молюсь под сиянием
Бесконечных твоих фонарей,
Моя сперма в помойках
Похотливых твоих городов.
Разреши мне родиться,
Как когда-то мне дал умереть.
Я готов к воскресенью,
Как когда-то был к смерти готов.

Море застыло
Холодным и мутным стеклом,
Последних три века
Недвижимы здесь облака...
Выселен мир,
Перечёркнут,
Назначен на слом,
Высохшей глиной
Местами подмазан слегка.
Звёзды осыпались с неба
И в воздухе пыль,
Падает вниз штукатурка
С измученных стен.
Прежний хозяин на старость
Созвездья копил,

Но к окончанию времён
Кошелёк опустел.
Окна забиты,
И в комнатах тёмных покой.
Сроки сосчитаны,
Миру указан предел.
Всё упаковано —
Более здесь никого
Кто бы остаться
В обители этой хотел.
Нет огорчения
И сожаления нет.
Небо последним закатом
Осветит крыльцо.
Будут стучаться
В окошки соседних планет
Души бездомные
Прежнего мира жильцов.

И небо
Ссинтезировало слюни
Наверное
С дождём их перепутав
Молитесь лампе
Мёртвые коммуны
Она светла
В любое время суток

Отец убитых почтальонов
Идёт по улице, шатаясь
Его влечёт запретный танец
Детишек стройные колонны
Его приветствуют и машут
Пышнобукетными цветами
И шоколад в руках их тает
И тёмной жижей лица мажет.
И брюха жирные трамваев
Гудят от перенапряженья,
И, вдаль вытягивая шеи,
Летят в зарю столбы и сваи.
И, с сануздами совмещёны,
Слепят нас трубами оркестры,
Расстрига совершает мессы
И чрева раскрывают жёны.
Из чрев коты на свет выходят,

Идя к рассвету неуклонно.
Детишек стройные колонны
Котов когда-нибудь угробят.
Отец убитых почтальонов
Не реагирует на праздник,
Он гонит квас и вечно квасит,
И с кваса в сон беднягу клонит.
Земля плывёт перед глазами,
Столбы бросаются на бампер.
Ночь порвалась и сумрак в лампе.
Окончен свет.
Закончен саммит.

Душа дрожит
И бог заносит плеть
На коже строки
Божьих откровений
Душа должна трудиться и терпеть
Кровавы сопли,
Согнуты колени.
И в поклонений долгой черед
Сменяет боль и забытьё друг друга,
И к вечеру приход наш поредел
Рабы святые
Избранного круга
Мы, озираясь, крутим головой —
Здесь будет служба?
Или будет битва?
И клир готовит всенощный убой.
Мечи сверкают...
Кончена молитва.

Пастырь земной
Пил коньяк,
Пастырь земной
Вёл за собой,
Пастырь земной
В чём-то маньяк,
Пастырь земной
В чём-то святой.
Нам в Вифлеем
Не опоздать.
Ирод забил
Хуй на детей.
Только висит

В небе пизда
Светлой звездой
Грешных ночей.
Стадо в пещере,
Ясли пусты.
Дух рассосался,
Чрево болит.
Бог отымеет,
Бог и простит.
Есть время для траха,
И для молитв.
Время для пастыря,
И для греха,
Для тупика,
И для выхода вон.
Сыпется с неба
Сор и труха
Манне – пиздец,
И с елеем – облом.

Пытали архангелы чёрта,
К кресту привязав.
Святою водою кипящею
Выжгли глаза,
Хвост резали бритвой
И шкуру сдирали крюком,
И с тихой молитвою
В жопу засунули лом.
Закончив работу,
Омыли ладони, смеясь...
Да, божья любовь для кого-то —
Ужасная казнь.

Прозрачен воздух
В стенах сентября,
Алеет в листьях
Кровь под тонкой кожей.
Закончен день,
Хотя ещё не прожит,
И призрачна
Ушедшая заря.
Открыт сезон,
И выстрелов поток
Сметает время
В круговом движении

Летят деревья,
И летят мишени.
Плоть холодна,
И поведён итог.
Остывший ствол,
Пространственный изгиб.
Заиклен миг,
Хотя ещё не вечен.
В овраге зверь
Землёю раны лечит,
Хотя три сотни
Лет назад погиб.

ВУРДАЛАК

Простите,
Неспокоен будет сон.
Простите,
Я не скован долгой стужей.
А в облаках застыл полночный звон —
Январским ветром колокол разбужен.
Его язык покрылся чёрным льдом,
И, раскачавшись, бился он о небо.
Засыпан снегом мой печальный дом.
И он, и я – мы одиноки оба.
И брошены судьбою на краю
Москвы
Закрытых штор,
Замков в подъездах.
Где землю взрыв, надгробия встают
В косых крестах
И буквицах облезлых.
Так неожидан
Кладбища забор.
Проспект оборван.
Трубы и вороны.
Так повелось с каких-то давних пор —
Мы одиноки, если нас хоронят.
Я был всегда таким —
Лишь существом
В пиджак,
Нелепо скроенный,
Одетым.
И вот задел однажды рукавом
Косяк двери.
Плоха была примета.

Швы разошлись.

И жизнь не подошла.
Мне по размеру,
Или по покрою.
Ещё дрожала голая душа —
Покрылось тело белой пеленою.
Так труповоз
Бежал до гаража,
Так землю били,
Ковыряли ходко.
Я всех просил немного подождать —
Не подождали.
Видно, грелась водка.
И гроб поплыл. Отвесная земля
У гладких стен.
И зимние могилы
Букетов целлофаном шелестят
И шепчут вслед :
«Не забывай нас, милый».
Я не забуду вас,
Я к вам вернусь.
Я взрою землю —
И кротом ослепшим
Я в этот мир беспамятный прорвусь,
Сквозь твердь земли
И стылых досок скрежет.
Я выползу,
Изодранный и злой,
И побреду.
Калитки скрипнет дверца.
И будто длинной, острою иглой
Боль новой жизни
Мне проколет сердце.
И жаль, что плакать
Нежитьи нельзя.
Выть можно мне,
Но невозможно плакать.
Мне взглянет пёс кладбищенский в глаза —
Зальётся лаем,
Подогнувши лапы.
Мороз мне сдавит сердце,
Словно жгут.
И бросятся
Мне под ноги ограды :
«Куда идёшь?!
Ведь там тебя не ждут!
Куда идёшь?!
Не уходи!
Не надо!»
А я пойду, упрямый и немой.

Коль сторож пьян —
То он меня пропустит.
И временно
Оставлю за спиной
Последний дом,
Мою обитель грусти.
И на ходу
Иные вспомнив дни,
По прежним адресам пойду.
На ощупь
Вдоль длинной
И изломанной стены,
Кругами тёмной,
Непроглядной ночи.

И восполняя
Кровью пустоту,
Я подойду
К чьему-то изголовью,
Почувствую —
Клыки мои растут,
И полнится
Душа моя любовью.
И завершу я чьей-то жизни круг,
Без звуков,
Без следов,
Без отражений.
Я так люблю,
Люблю тебя, мой друг!
Мой бедный друг,
С такую нежной шеей.

УЛИСС

Он плыл по краешку Вселенной
И корабельной плотью брэнной
Качался в сжатых кольцах волн.
И жили в волнах мрачных этих
Богов хмельных уроды-дети:
Левиафан, Тифон, Дракон.
Левиафан в бою суровом
Был Иеговой измордован
И объявил ему джихад.
Тифон был полным психопатом.
Дракон же, в уши вставив вату,
Дремал уж сотню лет подряд.
И плыл герой, минуя мели,
Матросы день за днём хренели

От одержимости его.
И думали: «Куда мы лезем?
В мехах бурда, в котомках – плесень.
Ну, полный пиз... Ну, прости Го...»
Был долог путь к домам забытым,
Попутный бред, проблемы с бытом,
Циклопов пьянка под окном.
На старой плёнке – джаз Итаки,
Стакан в осколки и – до драки
Лишь два гребка одним веслом.
Гермес – на суд богов с повесткой,
За пьянку на площадке детской.
Улисс в пещере – и баран
Его заступник и спаситель.
Темна циклопова обитель,
И Полифем под вечер пьян.
И, задавая ритмом тему,
Стучал он в стену Полифему,
Крича: «Найди!
Попробуй съесть!»
Но, видно, стук тот был напрасен —
Циклоп был слеп
И шлёпал пастью,
И лапой мял баранью шерсть.
По коммунальным коридорам
Улисс плыл,
И печальным взором
Отыскивал он путь в Аид.
В чугунных трубах туалета
Свои катила воды Лета,
Бачок Хароном
Был разбит.
Был мрак и смрад
В том жутком месте.
На унитаза
Залез Тирезий,
И гласом громким прорицал :
«Зевс – голубой!
Гермес – педрила!»
И кровь
От вещих слов тех стыла,
И бледный лик
Во тьме мерцал.
Но стих бачок,
И парус поднят —
И путь назад
Из преисподней
Был на газету нанесён,
И скрыт был

От профанских взоров,
От демонов ночных запоров,
И вынесен
По трубам вон.
Потом сирены приходили,
И, сердце надрывая,
Выли.
Себя же к стулу привязав,
Кричал Улисс им:
«Сгиньте, шлюхи!
Глаза слепы и уши глухи!
Ну, то есть... Уши
И глаза!»
Но шумом был дракон разбужен
И, предвкушая славный ужин,
К герою тихо он подполз...
И огласились доли плачем,
И горем был Олимп охвачен,
И боги не скрывали слёз.
Венок на дверь
Прибит был криво,
Харибда била в грудь. Плаксиво
Клялась,
Что не имела зла.
И Сцилла
Тихо подвывала,
И валидол тайком глотала,
И чушь прекрасную несла.
Бутылки сложены курганом
И, над богов собраньем пьяным,
Герой вознёсся в горный мир.
Где среди девок —
Только целки,
Где пир горой без опохмелки,
И воздух свеж,
И чист сортир.
Там, за высокою оградой
Элизиум хранит улады,
И Зевс нас ждёт, богов отец.
И мы придём туда однажды,
Когда дракон сожрёт нас с кашей,
Когда наступит нам... ну, скажем – конец.

БАЛТИЯ

Станут ржавыми камни,
Туман
Поползёт в мои сны,

И портовый джазист
Протрубит отступление весны,
Лёд по кромке пойдёт,
И пропойно охрипнут басы,
И стивидор загонит
Вчерашний вагон на весы,
И ослабнут борта,
И кингстоны отмерят часы,
И баркас поплывёт
Умирать у песчаной косы...

ГОЛГОФА-ЭКСПРЕСС

Тридцать три мне минуло
И время стремится к нулю,
И вечера в подъезде...
А где ещё водки нальют?
И на свист тепловоза
Святые слетают с небес,
И стучит, и стучит за окном
На Голгофу экспресс.
Там в вагонном сортире
Мочою пропахла купель,
Пьяный ангел, икая,
Влетает под утро в купе.
Благовествует дева,
И, слушая девичью брань,
Смотрит кротко в окно:
Остановка. Вокзал. Гефсимань.
Здесь я жду на перроне,
Здесь вхожу я в вагон. Благодать
На меня снизошла.
Здравствуй, дева, пречистая мать!
Это я, твой сынок,
Это я, чрева чистого плод!
Что, опять материшься?
Ну ладно... Пошёл я... В народ.
А народ – всё с газетой,
На строчках – яиц шелуха.
Рот кривит, чешет яйца народ
В ожидании греха.
На хер, на хер, народ!
Я пойду, закажу себе чай.
Ах, прощай, мой родной!
Я надеюсь —
Навеки прощай.
Проводник мимо чашу пронёс,
И спасибо ему.
Съехав, щёлкнула дверь...
Заключён я, должно быть, в тюрьму.
Там охрана вагона
Опять разыграла хитон.
Хит сезона – «очко»,
Три гвоздя я поставил на кон.
Мне навязан билет,
Я невольный теперь пассажир.

Моей рожей засветятся
Скоро в церквях витражи.
Мою кровь прополощут во рту,
Мою плоть изгрызут.
Мои волосы в ладанку сунут,
И купят слезу.
Всё такая туфта, всё такая тщета,
Стук колёс.
Или в дверь постучали?
Должно быть, Иуда донёс.
Он всегда не ко времени
С вечным усердьем своим.
Видно, дёрнул рычаг.
Замедляется ход... Тормозим.
Контролёры... Билет? Перепутал?!
А номер какой?
Двадцать пятый? В Москву? Не в Голгофщину?!
Выскочу! Стой!
На разъезде глухом, с чемоданом,
В терновом венце,
Расписание читаю... Где ж путь тот
С Голгофой в конце?
Будет к вечеру поезд,
Коль верить затёртым листкам.
А не будет – поеду в Москву.
Распинают и там.

Александр Уваров (С)

РОГЕРВИК

В редкий миг,
Как недвижна луна
И на небе покой,
Влажным корнем сосны
Время пить
Забродившие соки
Тёмной талой земли,
И с лесной
Непроглядной тоской
Вновь брести по болоту
Под хруст
Прошлогодней осоки
На три века назад,
В камень ветром
Оглаженный круг,
Под петровский ботфорт —
Быть тут пусту

До звона железа.
Кандалами до крови
Мой каторжный берег истёрт,
И резцами до сути
Мой каторжный берег изрезан.
Здесь я не жил... О, нет!
Этот воздух глотался не мной,
Время ноздри не мне
Отрывало клешней Оренбурга,
Но от Яика к Балтике
Вновь меня гонит конвой,
И на дыбе башкир,
И клеймёная воев подруга.
Здесь на дамбе надонной —
Мой камень,
Четвёртый в ряду,
Здесь мой Остров Ржаной
Был разломан тяжёлой буханкой.
Здесь в чахотке лежал
И три ночи метался в бреду,
И последний мой день
Кровью тёмной до корки исхаркан.
Пылью скрип и вокруг
Искрошённый плитняк, и стеной
Крепостною придавлен был... Знать, погребение вскоре.
Упокой со святым Николаем в воде ледяной,
Что сочится из грунта
Под весом Балтийского моря.

Сосчитает деревья лесничий
Луна убежит
Впереди
В нетерпении
Тень завилает хвостом
Пустота на погосте
Скакнув
Обернётся крестом
Осенит
И захватит
Затянет
И заморозит.

Я для тебя приготовил
Рассеянный дождь
Долгие дни

К рваной кофте
Подколота брошь
Брошу я в россыпь
Размахом
Оранжевый свет
Свежая просека
Там,
Где лесов уже нет.
Я к октябрю приготовил
Сухую траву
Ветром
Размолоты зёрна
И маршем браву...
Нет, не бравурным,
А просто —
Гулять и гулять.
Глухо в душе,
Тишина
Третьим лишним опять.

Пёс,
Друг мохнатый,
Сбегай к поляне,
Там
Луна наливает
Свет свой молочный
Котам
В плоские глубокие
Сонных осенних озёр
Мы до сих пор
Не видали того,
До сих пор.
С полной луны
Капли падают с полной луны.
У конуры твоей
Миски до края полны.
Призрачный друг мой
Не лает, не лает в ответ,
Только лакает
Полночный струящийся свет.

С ниткой по миру
Бредёт и бредёт нагота
Дыры, всё дыры
И в сердце живёт пустота.

В старой квартире
Один загибается гвоздь
Корочку сыра
Подбрось моей мышке,
Подбрось.
Линии лестниц,
У двери – затихший звонок.
Тени
Ступени
Ложатся волною у ног.
Стерпится ненависть,
Переболеет любовь.
Время надеяться,
Время надеяться
Вновь.

Ещё поём
И в облаках
Хоженье строим
И подышаем
На руках
Хрипим героем.

Позёмкой зима
Проползёт,
Не подняв головы,
Седую косою
Проведя
По асфальту Москвы.
Просоленный снег
На обочину
Ветер сгребёт,
Ворча и ворочаясь
Он
На сугробах уснёт.

Помолись о безумном,
Хлебнувшем
Козлиной мочи.
Черепки под ногами
Стучат
Колотушки в ночи
На обходе

Пьяны сторожа
И полночна тоска.
Смерть уздою держа,
Чёрный всадник мой
Прочь поскакал.

Блядь,
Пойми меня правильно —
Мы не одни
У маменьки,
Мы не одни
У Господа
Роспись по телу
Оспою
Не достаётся...
Очередь!
Пьянь
Сыновья и дочери,
Тварь
Разлеглась в безвременьи,
Грязь
От пизды до темени.

ВОИН ФАРАОНА.

Я ранен под Библом,
Из глаза торчит
Три дня и три ночи
Обломок стрелы.
У нас с медициной —
Не очень,
Хотя и получше,
Чем, скажем, в Лагаше и Кише...
Потише, шакалы!
И вороны тоже,
Потише...
Тутмосом взяты Библ,
Кадеш
И до хеттов
Меч!
Долетели до Кипра
Кедровые ветры
Пальмы порублены в щепки,
Сладкие соки
Тёмные вина
Бродят

В кувшинах высоких.
Нас поминают,
В даль
Погребальные лодки.
Нас называют
По именам
Коротким.
Грузят на лодки
Робкие души
И пряность.
Нас не осталось.
Нас уже не осталось.
Тело
Под солнцем.
Пекло печёт чернолицых.
Входят кочевники
В наши пустые столицы.
А я вот
в отлучке,
Вечной отключке
Пустыне
Псы по кускам
Собирают меня
В Палестине.

САМУРАЙ ИВАН ПЕТРОВИЧ.

Самурай Иван Петрович
Свой живот кинжалом режет
Под горою Фудзи сидя,
Запах сакуры вдыхая.
Телепузики хлопочут,
И героя отвращают
От великого деянья
Недостойными словами.
Дескать, твой живот, Петрович,
Лучшей участи достоин:
Не кинжала самурая,
А глотка огня хмельного.
Лучше тёплой выпить сакэ
Под весёлую частушку
О сёгуновой мамаше
Пусть в Киото всем икнётся!
Жить весёлым и свободным,
Не высовывая носа,
Чтоб его не оторвали
Злые сёгуновы слуги.
А влеченье это к смерти

Старомодно и нелепо,
Негигиенично, кстати,
И плохой пример для юных.
Но Петрович глух к советам,
Слабых он словам не внемлет:
Кимоно уже порезал,
И до живота добрался!
Красный цвет на белом шёлке,
Тинки-Винки плачет горько
И под сакурой героя
Телепузики хоронят.

Приходи,
Не видящие свет —
Здесь неон
Горит над головою.
Двери нет,
А в общем-то —
Привет!
Закусившим сорною травую.
Распродажа —
Битое стекло.
Похрустим, как будто леденцами.
Что под ночь
На острое влекло?
Что за дурь
Заигрывает с нами?
Чудеса, любезный, чудеса!
Фонари над спелой беленою.
Кто мозги до крови расчесал?
Кто со мною?
Кто опять со мною?

Для гниющих младенцев
Закончен завоз молока,
И железо бидонов
Гудит:
«Упокой! Упокой!»
Здесь усталый мой дьявол
Останется вечно с тобой,
Здесь светло и прозрачно,
И серою пахнет слегка.
Я ушёл на минуту,
Узнать,
Хороши ли дела

В огнедышащих рвах,
Где эринии дуют на прах.
Всё в порядке.
Как прежде.
В знакомых до боли местах
Пребываем и ныне,
Спалёны Аидом дотла.

Валькирия
Белокурая фрау
Волками правит.
Я умею сжигать дома,
Разводить бензином краску.
Моя каска
Покрыта пеплом
Цвета «фельдграу».
Я умею быть добрым
С противогазным хоботом
Моя доброта в дыму
Слезит понемногу,
Пропадает пропадом,
Иногда
Воет утробно.
Я брожу по лесам,
Ищу партизан
И солдат,
Отставших от части.
Я прав отчасти,
И не прав отчасти.
Моя слеза
Очищена двойной возгонкой
С душой тонкой,
Тонкой
В натяге удавкой
Рисую полосы
По окружю шеи.
Мне снятся ночью мишени,
А по пятницам —
Берроуз и Кафка.

Жители старого цирка
Клейстер – на клей и кисель,
Мука – на хлеб,
И пригоршня – на пудру
Жители старого цирка

Утром верят в чудо
Живы покуда!
И рассуждают мудро,
Подсыпая в зверинец опилки.
Ожидают римского папу,
В первом ряду – табличка
(Папа старенький, видит плохо).
Жители старого цирка
Бросают спички
Со вздохом
В ящики с реквизитом.
Ведут себя плохо.
Жители старого цирка,
Должно быть,
Скоро сдохнут.
Вот тогда будет праздник!
Стены цирка покрасят
В красное, белое, синее,
В жёлтое, голубое, оранжевое,
Сиреневое, малиновое,
В цвета апельсинов, личи, лимонов,
В цвет весенней моркови.
Карнавал устроят,
Слонов, тигров, пони,
Шимпанзе и гиббонов
Зажарят и подадут
К торжественному обеду.
Как много чудесных блюд!
И ещё —
Папа приедет
В ближайшую среду.
Сядет в первом ряду.

Подари мне войну
Мне смеяться легко со вчерашнего дня:
Я вчера утонул,
А к обеду воскрес,
Не добравшись до дна.
Вот такая
Творится хуйня.
Подари мне войну
Мне из лёгких выталкивать слизь
Не пора ли курить?
Не пора ли заканчивать жизнь?
Подари мне войну
Плиз
Пусть мой город сгорит

Здесь гулять безопасно с восьми до восьми
Здесь мой Молотов-бар
Два коктейля у стойки возьми
И хлебнуть —
Не томи!
Подари мне войну
По весне задымятся дома
Загорятся деревья...
Не время ли
Спрыгнуть с ума?
Подари мне войну,
Война!

Старая кошка
Поймай меня как-нибудь
Ближе к вечеру
Тёплыми лапами
Сердце мне придави
До боли
Закат на старых обоях
Рожицы и рисунки
Высвечивает
Забавно
Двое-
Кошка и вечер
А я – в стороне
Спокоен
Старая кошка
Знает всё обо мне
Следит за мной
День за днём
Из норы
Достаёт
Коготками кожу пробует
Старая кошка,
Знаешь,
Пропади всё пропадом!
Достань меня, милая,
Поймай меня как-нибудь
Ближе к тихому вечеру
Поймай меня, кошка,
И успокой

Исайя, ликуй!
Вот беда – заалтарная пыль

Там вечность скопилась
На горсть соберёшь – и танцуй
Вперёд, подбоченясь,
Рисуй
Отпечаток стопы
Невымытый пол,
Не ухожена церковь
К концу
Пошли времена,
И дочитан весёлый псалом
Срамные стихи,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.